

Саберова Марина Шамильевна

аспирант кафедры философии
и политологии Нижегородского
института управления
marinasaberova@yandex.ru

Marina Sh. Saberova

graduate student department of philosophy
and political science, Nizhny Novgorod
Institute of Management
marinasaberova@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В РОССИЙСКОЙ НАУЧНОЙ ПОЛИТИКЕ В ПЕРИОД САМОДЕРЖАВИЯ

NATIONAL AND INTERNATIONAL IN THE RUSSIAN SCIENTIFIC POLICY IN THE PERIOD OF AUTOCRACY

Аннотация. В данной статье рассматривается государственная научная политика в России в период самодержавия. Автор приходит к выводу о том, что попытка реализации в России культурных потребностей общества путем создания Академии наук в 1725 году не увенчалась успехом, а потому наука не имела изначально в нашей стране прочной национальной почвы. Государственная научная политика исторически была ориентирована на утверждение общественных идеалов правящих политических сил. В монархический период истории вопрос о самобытности российской науки на политический уровень введен не был. Институционально она развивалась на основе опыта европейских держав.

Annotation. This article discusses the state scientific policy in Russia in the period of autocracy. The author comes to the conclusion that the attempt of realization in Russia of the cultural needs of society through the creation of the Academy of Sciences in 1725 was not success, and that is why the science had not originally strong national background in our country. Government science policy was historically focused on the adoption of social ideals of the ruling political forces. In the monarchical period of the history the question of the identity of Russian science to the political level wasn't withdrawn. Institutionally it was developed based on the experience of the European powers.

Ключевые слова: государственная научная политика, научная культура, национальное, интернациональное, самодержавие.

Keywords: state science politics, scientific culture, national, international, autocracy.

Актуальность проблемы национального и интернационального в российской научной политике обусловлена возрастающей ролью науки в жизни современного общества. Наука стала неотъемлемым элементом национальных культур, элементом, активно изменяющим их основания. Таким образом, наука и ее результаты зачастую вступают в конфронтацию с традиционными укладами жизни, социальными идеалами, ценностями.

Государственная научная политика в России, как целенаправленная система мер по организации и управлению функционированием научной деятельности, берет основание в конце правления Петра I, когда тот предпринимает шаги по созданию Петербургской Академии наук. Учрежденная в 1725 году, Академия наук становится центром нашей национальной науки. Национальным же по масштабу явлением наука станет не скоро и с большими сложностями. Основными этому причинами можно считать отсутствие социального заказа на научную продукцию, а также отсутствие системы подготовки квалифицированных кадров для научной деятельности, соответственно, и недостаток самих этих кадров.

Актуальность темы связана и с развитием процессов интернационализации культуры. Эти процессы охватили собой многие стороны жизнедеятельности человека. При всем разнообразии оценки данного явления, интернационализация представляется движением к единению человечества, формированию общих целей, идеалов, средств их достижения. Это движение по пути сотрудничества и взаимопомощи стран и народов, которые, в свою очередь, являются позитивными факторами развития каждой национальной культуры. И для философии сегодня важно осознать те точки соприкосновения между культурами, которые сделают процесс интернационализации взаимообогащающим для них.

Деятельность Петра в этом направлении, как и во многих других, была продиктована западным опытом организации жизни государства и общества. Академии наук существовали уже в Европе и, по логике российского императора, непременно Россия не должна была отстать в этом деле. Такая «подражательность» российских реформ определила непростое положение науки в структуре отечественной культуры. По сути, будучи непонятной и ненужной для большинства населения нашей страны, наука приобретает востре-

бованность только в среде политического руководства и только как средство решения прагматичных запросов государственного аппарата. Так, с самого начала своей истории российская наука получает огосударствленный характер и преимущественно государственную поддержку прикладных направлений научного творчества.

Состав сформированной Академии также не способствовал укоренению науки в российской культуре. Первые академики были, преимущественно, иностранцами, учеными, приглашенными из Германии, Швейцарии, Франции. Перенимая часть западной культуры, «учителя» приглашались из-за рубежа. Это был элемент петровской европеизации России. Интеллектуальная сфера культуры попадала под влияние иностранных специалистов и должна была содействовать изменению традиционных нравов. Росту же национального образовательного потенциала должного внимания не уделялось. Даже когда Устав Академии 1747 г. предписал «набирать» в Академию преимущественно российских подданных, ситуация не изменилась.

Наблюдая за этим непосредственно, М.В. Ломоносов в 1764 г. пишет свой вариант Устава Академии наук. В нем он указывает, что «академики и адъюнкты должны быть природные россияне!... Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше отечество может пользоваться собственными сынами не токмо в военной храбрости и в других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний» [1]. Но только во 2-й пол. XIX века русская наука приобретает официальные признаки русскости. С 1841 г. официальным языком Академии наук стал русский, на нем стали писать протоколы заседаний. Научные статьи могли с тех пор публиковаться по желанию автора на русском, немецком или французском языках.

Уделялось в тот период внимание и популяризации науки. Так, первый ежемесячный журнал России «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащих» (1775 г., № 1) содержал «многие статьи – гимн науке», которая должна была сделать человека «обладателем всей Вселенной». Страстная пропаганда науки сочеталась с яростной борьбой, как против невежд, так и против полуученых, которых в журнале называют «учения разрушителями», «всех наук истребителями», «чудовищами в науках» [2].

Действительно, создав искусственно новый элитарный слой общества, российское руководство создало условия для устремления в ученые самых разных, не имеющих к науке серьезного отношения, представителей отечественного чиновничества. Так в 1766 г. директором Академии наук стал граф В.Г. Орлов. Президентом Академии в то время был гетман Украины К.Г. Разумовский. В Указе Екатерины II говорилось при этом о «великом нестроении» и плачевном положении Академии. Екатерина берет Академию «в собственное свое ведомство для учинения в ней реформы к лутшему и полезнейшему ее поправлению» [3].

Это политическое решение было закреплено в Уставе Академии 1803 г. и сохранилось в Уставе 1836 г., параграф 13 которого гласил: «Академия наук и все члены ее состоят под особенным Высочайшим покровительством» [4]. Это покровительство имело по существу бюрократический характер и приводило к росту в Академии не столько научно-потенциала, сколько чиновничьево.

К самой же науке сохранялось безразличное отношение, которое немного корректировалось в зависимости от внутреннего политического курса и особенностей международной обстановки. Отношение к науке как явлению, прежде всего западной культуры, ухудшается в ходе войны 1812 г. К ученым в тот период и после войны наша власть относилась с опасением, оценивая их деятельность как разрушительную для основ российского государства. Действительно, свободомыслие, которое предполагает научное творчество, мало согласовывалось со спецификой самодержавного строя.

Такая политическая система не просто контролировала деятельность ученых, но и пыталась влиять на направления и сущность их исследований. Так, в годы существования Министерства духовных дел и просвещения не рекомендовалось ученым развивать эволюционные идеи в биологии, развитие геологии было «заморожено» бесплодным спором непутистов (утверждали, что все горные породы происходят от воды) и плутоновистов (все от огня). Философия вообще попадает в опалу, в 1854 г. ее запретили преподавать в Университетах [5].

Но была в российском руководстве и иная позиция – отказаться от ограничения влияния европейской науки в пользу активизации формирования национальных научных кадров, способных своими знаниями и учениями укрепить существующий политический режим. Практически эта позиция нашла отражение в реформах С.С. Уварова. Он был президентом Академии наук и министром народного просвещения в правительстве Николая I. Будучи человеком высокообразованным, он был убежден, что будущее России связано с развитием образования и науки. При этом наука должна быть своей, национальной, творящей на пользу Отечества.

Эффект от проведения образовательных реформ, соответственно этим идеям, был. В стране появился небольшой, но активный и неравнодушный к судьбе России и ее народа слой разночинной интеллигенции. Вспоминая об устремлениях студенчества пореформенной эпохи, профессор И.М. Гревс писал: «Мы высоко ставили культуру и личность, признавали великими путями для их развития науку и просвещение. Мы любили народ и готовились служить ему своими идеалами и знаниями» [6]. Но идеалы эти не отражали интересы руководства страны, которое совсем не испытывало удовлетворения от развития знаний, науки в российском обществе.

Государственная политика в XIX в. не была направлена на укоренение науки в почве российской национальной культуры. Она, скорее, проти-

вопоставлялась ей. В распространении научных знаний царский режим видел опасность для сохранения своих властных позиций в обществе. В 1895 г., после разгрома Комитетов грамотности министром внутренних дел Дурново, В.И. Ленин писал: «Министр смотрит на рабочих, как на порох, а на знания и на образование, как на искру; министр уверен, что если искра попадет в порох, то взрыв направится прежде всего на правительство ... Без знания рабочие – беззащитны, со знанием они – сила!» [7].

В годы I Мировой войны наука в политике российского руководства предстала и фактором влияния враждебных нам держав. Императорской Академии наук велено было исключить из своего состава подданных враждебных России государств. Наряду с подъемом в начале войны патриотических настроений в обществе возникает и волна антигерманских настроений, включающих и отношение к немецкой науке.

Научный шовинизм в России подогревался и принятым 31 октября 1914 г. решением Совета министров «Об исключении подданных воюющих с Россией держав из состава союзов, обществ и других подобных частных, общественных и правительственных организаций и установлений». В 1916 г. российской Академии пришлось принять решение об исключении из числа своих почетных членов и членов-корреспондентов поддан-

ных воюющих с Россией государств [8]. Таким образом, не столько объективные национальные условия жизни или потребности развития науки, сколько политический фактор определял демаркационную линию между мировой и российской наукой.

Подводя итог, можно сделать следующий вывод: в истории российского государства научная политика не была нацелена на гармонизацию национальных и интернациональных элементов научной культуры. Государственная научная политика исторически была ориентирована на утверждение общественных идеалов правящих политических сил при поддержке всей силы государственного аппарата. В политике понятия «национальное» и «интернациональное» получают динамичные значения, обусловленные спецификой политической системы и ее интересами.

В монархической России национальное и интернациональное в науке признавалось как соотношение результатов творчества отечественных и зарубежных исследователей. При этом полезность первых еще не была достаточно оценена, а опасное влияние вторых регулярно становилось предметом беспокойства политической власти. Собственно вопрос о самобытности российской науки на политический уровень выведен не был. Институционально она развивалась на основе опыта европейских держав.

Литература:

1. Ломоносов М.В. Полное собр. соч. М., 1957. Т. 10. С. 141–142.
2. Цит. по: Лазаревич Э.А. Искусство популяризации науки. 2-е изд. М. : Наука, 1978. С. 27.
3. История Академии наук СССР. М., 1958. Т. I. С. 317.
4. История Академии наук СССР. М., 1958. Т. I. С. 689.
5. См.: Павлова Г.Е. Организация науки в России в первой половине XIX века. М., 1990. 239 с.
6. Гревс И.М. В годы юности. Былое. 1918. № 12. С. 45.
7. Ленин В.И. ПСС. Т. 2. С. 78–80.
8. См.: Басаргина Е.Ю. Научно-организационная деятельность Императорской Академии наук в 1889–1917 гг. : автореф. дисс. ... доктора исторических наук: 07.00.02. Басаргина Екатерина Юрьевна. Санкт-Петербург, 2009. С. 38.

Literature:

1. Lomonosov M.V. Complete works. M., 1957. Vol. 10. P. 141–142.
2. Quoted on: Lazarevich E.A. The Art of science popularization. 2nd ed. M. : Science, 1978. P. 27.
3. The history of the Academy of Sciences of the USSR. M., 1958. Vol. I. P. 317.
4. The history of the Academy of Sciences of the USSR. M., 1958. Vol. I. P. 689.
5. See: Pavlova G.E. The organization of science in Russia in the first half of the nineteenth century. M., 1990. 239 p.
6. Grevs I.M. In the younger years. The past. 1918. № 12. P. 45.
7. Lenin V.I. Complete works. Vol. 2. P. 78–80.
8. See: Basargina E.Yu. Scientific and organizational activity of the Imperial Academy of Sciences in 1889–1917 : abstract dis. ... Dr. hist. Sciences: 07.00.02. St. Petersburg, 2009. P. 38.